

*С.И. Володина,
кандидат юридических наук
(директор Института адвокатуры Московской
государственной юридической академии)*

Современная риторика

Ключевые слова: *риторика, судебная речь, доказательства, убеждение, эмоции человека.*

Очень многое началось с Аристотеля и риторика тоже. Аристотель, впервые систематизировавший риторическое знание, связывал его происхождение с судебной речью, отмечая, что, как и диалектика, риторика не является непосредственно наукой, а представляет собой метод нахождения доказательств¹.

В “Риторике” Аристотеля эта дисциплина определяется, как “способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета”².

Этот самый первый в истории изучения риторики обобщающий труд сразу тесно связывал предмет исследования не только с этикой, учением о правде, знанием о чувствах и эмоциях человека, но и с учением об убеждении. Перед исследованием риторики Аристотель поставил вопрос: “От чего зависит убеждение?”

Определяя риторикой не только как метод, но и как искусство³, значительную часть первой книги своего труда Аристотель уделяет этике поступка, представлениям о добре и зле, прекрасном и безобразном, определяя нравственную оценку какого-либо поступка как важную функцию риторики⁴.

Самые основы аристотелевского понимания риторики близки представлениям, которые всегда расценивались в качестве

общих мест (топов) учения об уголовной защите. К примеру, правда, как понимал ее Аристотель, заключена в том, “чтобы прощать человеческие слабости, иметь в виду не закон, а законодателя, не самый поступок, а намерение человека, его совершившего, не часть, а целое, в том, чтобы обращать внимание не на то, каким выказал себя человек в данном случае, а на то, каков он был всегда и по большей части”⁵.

Аристотель описывает во всем разнообразии чувства людей, особенности их характеров, выясняет условия, при которых люди будут благосклонны к подзащитному. Главным из этих условий определяется доверие к разуму, добродетели и благорасположению защитника⁶. Лишь после всего этого первооткрыватель научной дисциплины риторики переходит к непосредственному изложению собственно риторических понятий и правил.

Итак, в понимании Аристотеля, риторика представляет собой выросшее на основе искусства судебной речи универсальное знание о способах убеждения и одновременно искусство убеждать людей. То есть риторика рассматривается как единство определенного метода познания и практического искусства убеждения, которое строится на этической основе и тесно взаимосвязано с пониманием человеческой

натуры. Собственно языковой аспект риторического знания, согласно Аристотелю, вторичен, хотя и определяет принципы ораторского искусства, изложенные в третьей книге “Риторики”.

Уровень знания о красноречии накануне христианской эры был настолько высок, что Цицерон, характеризуя предмет этого знания, определил его содержание “почти единодушным приговором знаменитостей”⁷, то есть, ограничился общим замечанием о том, что и так общеизвестно.

Цицерон подметил такое важное свойство изучаемого предмета, как универсальность, в немногих словах проследив профессиональную диалектику универсальности искусства судебного оратора: “Любой вопрос из любой области оратор, если только изучит его как дело своего клиента, изложит красивее и лучше, нежели сам автор и хозяин предмета. ...Но есть особенный, свойственный одним ораторам круг мыслей, вопросов и познаний, замкнутый оградой суда, и красноречие действительно чаще всего вращается в этом кругу, но и среди этих вопросов есть очень много такого, чего сами так называемые риторы не преподают, да и не знают... Настоящий и совершенный оратор решительно обо всяком предмете сумеет говорить содержательно и разнообразно”⁸.

Из данного фрагмента трактата “Об ораторе” ясно, что его автор видит в риторике универсальную методологию познания и одновременно убедительного представления истины. Универсальность этой методологии определяется, прежде всего, необходимостью познания всего разнообразия проблем, с которыми сталкивается оратор за “судебной оградой”. Именно поэтому специфическое искусство судебного оратора может быть приложимо в любой другой области человеческой коммуникации.

Риторическое искусство в представлении Цицерона первично по отношению к научной дисциплине риторике: “Не правилам знаменитые ораторы обязаны своим красноречием, а сами правила явились как свод наблюдений над приемами, которыми

красноречивые люди ранее пользовались бессознательно. Не красноречие возникло из науки, а наука из красноречия”⁹.

То есть практика ораторского искусства определяет научное содержание риторики. Именно потому “риторика – это слабое подобие науки о красноречии, не в силах зачать и зародить в нашем уме то, чего не было в нем от природы, а способна только растить и укреплять то, что в нас уже возникло и зародилось”.

Не случайно Цицерон¹⁰, а за ним и многие другие исследователи отмечают сходство ораторского и поэтического искусства. Чистота, ясность, точность и предельная информативность языка, необходимость природных задатков и большого старания роднит оратора и поэта. В обоих случаях искусство обогащается научным знанием о себе самом. Практика коммуникации определяет искусство коммуникации и вместе с ним составляет предмет риторики, как научной теории коммуникативной деятельности человека. Замечания античных авторов об этом предмете приобретают вполне определенный и выходящий далеко за рамки их определений и наблюдений смысл, если рассматривать их в контексте современной теории риторики.

Последнее умозаключение более убедительно, чем доказательно, поскольку отталкивается от сравнения, и неизбежно с точки зрения формальной логики. Сравнение ораторского и поэтического искусства не обусловило, а только помогло дать определение предмета риторики в контексте общего рассуждения о взглядах античных авторов на соотношение науки и искусства красноречия. Ход мысли автора остался как бы “за кадром”, в сфере образного, интуитивного, иррационального, но в то же время вполне доступного пониманию знания. Убедительна сама последовательность мысли, ее развитие и словесное оформление.

Предлагаемое определение предмета риторики можно вывести и чисто логически, воспользовавшись формально-логическим методом исследования его сути. Доказательность такого вывода с формальной точки зрения была бы выше.

Но насколько убедительной будет длинная цепь строго логичных умозаключений о предмете, необходимо включающем в себя формальную логику в качестве одного из возможных методов познания?

Не потому ли погиб Сократ, что более доказывал на суде, чем убеждал, более поучал судей, чем отстаивал свою невинность?

Убедительность слова, выражающего мысль в коммуникативной сфере, не менее важна, чем его доказательность. Риторика как искусство и одновременно теория убеждения предполагает свой метод познания и преобразования реальности – риторический метод. Сократ имел возможность им воспользоваться: специально написанная Лисием защитительная речь только ждала своего часа. Но методология Лисия, как и любого другого ратора, претила Сократу.

Представления о важности фигур, тропов, об уместности речи и других законах ее воздействия на судей были чужды великому философу, а мастеров слова он откровенно бранил¹¹.

Итак, риторический метод исследования действительности представляет собой совокупность приемов и способов мышления, ориентированную на познание социальной действительности с точки зрения прагматической задачи ее преобразования путем убеждения.

Не случайно некоторые современные исследователи замечают тесную взаимосвязь риторики со спецификой античного мышления, полагая, что суть этого отношения весьма прозрачна: категории риторики есть одновременно и категории мысли. Мысль неотделима от речи, всегда оформлена в языковом материале, а любой словесный образ одновременно есть и логическая абстракция. Как раз в этом синкретизме и заложены истоки научной риторики¹². Методологическая ценность данного наблюдения очевидна. Зачем исследовать слово, не замечая в нем мысли? Вообразима ли мысль, которую невозможно выразить словами? Относительность философского понятия истины и практическая эффективность риторического метода

ее познания делают этот метод не менее полноценным в коммуникативной сфере, чем любые другие методы познания, в том числе и методы познания философской науки.

Риторический метод познания действительности связан не только с языком публичной речи, но и с языком человеческой мысли, посредством которого эта речь готовится автором и воспринимается слушателями. Именно поэтому он является определяющим для любой сферы коммуникативной деятельности человека, и язык этого метода есть наиболее подходящий язык для исследования всего круга проблем, связанных с вербальной коммуникацией. Следовательно, при изучении судебной риторики риторический метод целесообразно рассматривать в качестве общей основы всех возможных способов познания предмета. Практическая ориентированность риторического метода, единого в подходах к познанию и представлению его результаты, дает возможность адресовать результаты, как и само описание исследования, адвокатам – целевой группе, для которой проблемы судебной риторики являются особенно актуальными.

Отечественная традиция изучения риторики складывалась на основе знакомства исследователей с произведениями античных мастеров слова. Начало научного осмысления искусства публичной речи было положено М.В. Ломоносовым.

Именно он впервые воспользовался русским языком для определения и описания предмета риторики. «Риторика есть наука о всякой предложенной материи красно говорить и писать, то есть оную избранными речью представлять и пристойными словами изображать на такой конец, чтобы слушателей и читателей о справедливости ее удостоверить. Кто в сей науке искусен – тот называется ритор»¹³.

В представлении М.В. Ломоносова важнейшими свойствами риторики являются ее универсальность в отношении предмета речи, справедливость целевой установки оратора и убедительность ее реализации. Следуя античному канону, Ломо-

носов в основе риторической науки видит этические представления (о справедливости) и универсальность практики. Основная цель искусства речи – убеждение.

Продолжая античную традицию, Ломоносов различал три основных рода речи: указательный, советовательный и судебный, замечая, что “сей последний род слова в нынешние веки больше не употребляется, для того и в правилах риторических о нем мало пишут”¹⁴.

Инквизиционный процесс – не лучшая почва для развития юридической риторики. Только столетием позже основания Московского университета предмет нашего исследования станет необходим для отечественного судопроизводства, займет достойное место в литературной и общественной жизни. Становление суда присяжных сделает науку убеждения не только процессуально значимой, но и общественно актуальной.

Последовательность мысли М.В. Ломоносова о задачах и предмете риторики станет общим местом в понимании присяжными поверенными пореформенной эпохи сущности риторического искусства и риторического знания.

“Упрямоу в своем мнении уму” ничего не докажешь и самыми лучшими аргументами. Только затронув душу слушателя, разбудив эмоции (“страсти”) можно склонить его и к восприятию рациональных доводов. Потому одним из оснований риторики является глубокое знание оратором “всей глубины сердец человеческих”¹⁵.

Н. Кошанский – автор знаменитых риторик пушкинского времени полагал, что “риторика (вообще) есть наука изобретать, располагать и выражать мысли”¹⁶.

Данное определение, следуя в русле все той же античной риторической традиции, подчеркивает методологическое содержание риторики. Она представлена как способ изучения, приведения в единое целое и демонстрации мыслей, возникающих при изучении какого-либо предмета.

Признаками красноречия автор “Частной” и “Общей” риторик, прежде всего, видит силу чувств и убедительность,

имеющие почти принудительную власть над слушателем. В основе “красноречия сердца” – живое ощущение истины, в основе красноречия ума – убедительность. Противиться сочетанию этих свойств красноречия невозможно¹⁷. Истина в красноречии является непрременной основой умения убеждать.

Итак, заметим, что самые первые из отечественных научных риторик в своем представлении о предмете и содержании риторики следовали в русле античной традиции, наиболее отчетливо запечатленной в трудах Аристотеля и Цицерона.

Важные для всех упомянутых авторов ключевые риторические понятия (истина, убедительность), значимые свойства риторики (этичность, психологизм, универсальность практики) выражаются только в оценочных категориях и, следовательно, не могут быть вполне изучены вне риторического метода исследования. Оценочные категории не есть доказательства и, строго говоря, не являются предметом доказывания. Все они расположены в иной области – области понимания и убеждения, которую определяют не только законы формальной логики и критического мышления. Рассуждая о риторике, о ее тесной взаимосвязи с познанием мира, мы, тем не менее, не можем искусственно соединить ее с “диалектикой”, ибо гносеологические основы этих дисциплин со времен Сократа и Лисия не утратили своего исходного методологического различия. Риторическая по содержанию “Философия свободы” Н.А. Бердяева¹⁸ является исключением из правила, подтверждающим лишь саму перспективу поиска методологической целостности процесса познания. Целостности, которую, как ни странно, можно увидеть в любой талантливой защите по уголовному делу. Секрет этой целостности, как представляется, заключен в универсальности риторического метода исследования для любых актуальных проблем человеческой коммуникации.

В наиболее общем виде риторика есть искусство воздействия, полагает Н.А. Безменова,¹⁹ теория риторики уже со-

здана античними авторами и современным исследователям досталось лишь обширное поле для интерпретаций. Эта теория разрабатывалась в эпоху, когда человек стремился к полному овладению миром через логос, в котором мысль и слово находились в гармоническом единстве, – риторика дала “образец мыслеречевой деятельности человека”²⁰. Исследователь не случайно избрал предметом своей книги историю и теорию риторики – такое сочетание объектов изучения целесообразно уже потому, что, приближаясь к античному пониманию искусства речи, современная наука, собственно говоря, лишь восстанавливает в правах очевидную для античных мыслителей методологическую целостность слова и мысли. Не случайно прочтение античных авторов в контексте современных представлений об искусстве речи является одним из распространенных подходов к исследованиям в коммуникативной сфере. Предприняв попытку выяснить вопрос о том, что же такое риторика – искусство или область знания – мы неизбежно были вынуждены обратиться к авторитетам античности и с некоторым удивлением обнаружили, что их замечания по данному поводу прямо выводят исследование риторики, саму попытку предварительно определить ее предмет, к вопросам методологии. Именно эти вопросы откровенно напоминают о себе и при знакомстве с трудами современников нашего исследования. Гармоническое единство мысли и слова, о котором пишет Н.А. Безменова, характерно не только для античной, но, как мы обнаружили при определении предмета исследования, для русской досудебной риторики. Исследователи обычно не обращают внимания на методологический смысл этой гармонии слова и разума, однако атмосфера сегодняшнего “риторического бума” буквально насыщена этим смыслом, который легко обнаруживает себя в любом добросовестном научном труде.

Так и в книге Н.А. Безменной дана не только оценка изученности предмета риторики, но и многие частные замечания буквально обнажают существо способов

риторического познания. Например, автор прямо указывает, что для Аристотеля рациональное познание покрывает также и области, ускользающие от доказательств и подчиненные аргументации. Аристотель рассматривает это пересечение психологии и логики не как ограничение эффективности разума, а, напротив, как расширение его действенности²¹. Что это, если не подтверждение рационального и всеобщего характера риторического метода познания?

Неориторика, как искусство не столько воздействия, сколько взаимодействия, коммуникации людей²² неизбежно будет предполагать тот же риторический метод познания. Значимость последнего в ситуации понимания коммуникативной сути любого речевого действия становится еще более очевидной. Современное понимание предмета риторики хорошо согласуется с античным взглядом на этот предмет. В качестве “теории убеждающей коммуникации”²³ вполне правомерно рассматривать не только неориторику, но и теоретическое наследие античности. Интерактивный характер воздействия-взаимодействия людей был очевиден и основателям риторической теории, хотя они и не придавали ему такой значимости, как современные исследователи. “Нервом” риторического знания всегда будет проблема убеждения, вокруг которой обычно строится любая риторика.

Действовать словом можно только в общении или в связи с общением. Поэтому современные авторы делают вывод о том, что риторика занимается типологией ситуаций общения и алгоритмом подготовки к общению, принципами выстраивания того и другого. В свою очередь, предмет риторики (*verbo agens* – человек, действующий словом) не может стать гуманитарной реальностью без единого гуманитарного предмета “человек общающийся”²⁴. Если попытаться представить себе такую научную дисциплину, то, очевидно, риторика займет в ней именно методологическую нишу, поскольку любое из современных определений риторики прямо или косвенно наводит на мысль о том, что в самом

общем смысле риторика есть методология общения, методология коммуникативного действия, и предмет этой дисциплины (убеждение) традиционен еще со времен Аристотеля. Не случайно, как мы отметили выше, уже для Цицерона предмет риторики не требовал ни определения, ни отграничения от других наук и искусств – представление о нем было настолько отчетливо, что просто подразумевалось.

Итак, очевидно, что существуют предмет и специфическая методология риторики, представляющие собой самостоятельную систему научного познания, тесно взаимосвязанную с коммуникативной практикой человека. Взгляд на риторику как область научного знания не является принципиально новым для современной исследовательской литературы, однако лишь немногие ученые подчеркивают самостоятельность этой отрасли знания.

В частности, именно так видят риторику авторы специальной работы о ее статусе и содержании Г.М. Сагач и Е.А. Юнина. Они рассматривают риторику и как самостоятельную науку, которая основывается на системе законов, определяющих ее специфику, и как “комплексную дисциплину, включающую в свой состав логический, психологический, художественный, лингвистический и другие аспекты языковой коммуникации”²⁵.

Напротив, Е.Н. Зарецкая, рассматривая риторику как “*некий* тип филологического мировоззрения” и не определяя ее в качестве самостоятельной отрасли познания, тем не менее, дает точное определение научной значимости этой дисциплины: “Это методология гуманитарного знания, культурная основа знания и социальной деятельности. Она позволяет человеку быть гражданином правового общества и определять форму мыслей и направления действий в будущем. Одновременно она соединяет человечество с историей культуры”²⁶.

Данное замечание не вполне справедливо. Неужели дисциплина, которая представляет собой методологию обширнейшей, включающей множество наук, области знания, сама по себе не является наукой в

то время, когда, например, философская методология или методология истории давно признаны в качестве самостоятельных научных дисциплин? Подход к риторике, рассматривающий ее лишь в качестве “филологического мировоззрения”, внутренне противоречив с философско-методологической точки зрения и очевидно несправедлив с точки зрения риторики, как методологической основы гуманитарного знания. Сама “*некая*” неопределенность данного утверждения свидетельствует о недостаточной его убедительности.

Достаточно представить себе содержание и структуру научного гуманитарного знания, чтобы эта несправедливость стала вполне ясна. Сам критерий научности является оценочным, то есть риторическим. Не существует мировоззрения, способного убедительно и достоверно давать бесспорные оценочные суждения о научном или ненаучном характере той или иной области знания. Такие оценочные суждения являются прерогативой риторики, как единственной науки, в рамках которой они интеллектуально правомерны. Поэтому справедливо и целесообразно будет рассматривать риторику как самостоятельную и универсальную науку со своим четко определенным предметом (убеждением) и специфической, хотя и пригодной для любой гуманитарной материи, методологией познания.

Универсально-прикладной характер риторики, как отмечалось выше, был открыт еще античными мыслителями. Древнейшей областью приложения риторического метода исследования и преобразования социальной действительности является область правовых отношений и судопроизводства в частности. Именно с ней Аристотель и Цицерон связывают происхождение риторики, именно здесь с древнейших времен чаще всего возникает необходимость в убедительных доводах, справедливых оценках, неоспоримых решениях и в неотразимой по своему убедительному воздействию речи. Лишь бесчеловечность и нравственная несостоятельность инквизиционного процесса не дает почвы

для риторического действия, хотя и здесь юридическая техника исследования доказательств и принятия решений не в состоянии обойтись без элементарных представлений о риторическом методе познания.

Состязательный процесс целиком построен именно на этом методе. Стороны убеждают суд в правоте и справедливости своей позиции, суд согласно внутреннему убеждению выносит обоснованное, то есть, опять же непременно убедительное и оценочно бесспорное решение по делу.

Так, юридическая риторика, предметом которой является убеждение в правовой сфере, представляет собой важнейшую по своему социальному значению отрасль риторического знания. Ни в политической сфере, ни в сфере массовой коммуникации риторика не имеет столь сильных и непосредственно влияющих на судьбы людей позиций, как в стенах суда. Именно здесь вес сказанного слова, единство слова и мысли, ничтожность или, напротив, убедительность аргументов речи имеют наибольшую значимость. Речь превращается в могучее орудие преобразования действительности, способна навсегда уничтожить человека или же возродить его к жизни из, казалось бы, безысходного положения.

Специфика предмета юридической риторики представляется достаточно очевидной.

Предмет речевого общения в правовой сфере – юридически значимые факты, отмечает исследователь юридической речи Т.В. Губаева²⁷. Именно юридически значимые факты представляют собой основу внутреннего убеждения суда, именно они в первую очередь становятся объектом анализа профессиональных участников судопроизводства, именно критерий юридической значимости определяет меру убедительности как самих фактов, так и их истолкования на суде. Оценочный характер юридической значимости непосредственно связывает это понятие с предметом риторики (убеждением) и методологией риторики – убедительным рассуждением. Именно так формируются при изучении дела позиции процессуальных сторон, так

складывается и убеждение суда. Юридическая оценка фактов, будучи тесно связанной с формальной логикой и привычно научными методами познания, уже в силу своей оценочности выходит за пределы этих методов и представляет собой действие, основанное, прежде всего, на риторической методологии, непосредственно имеющей дело с оценочными суждениями. Потому содержание предмета юридической риторики нельзя свести к одному только моменту произнесения речей и оформления судебных решений. Это методология исследования специфически судебных проблем, предполагающая убедительную оценку юридически значимых фактов.

Следовательно, изучение юридической риторики не может заключаться только в анализе текстов речей и судебных решений – наиболее яркой и хорошо изученной стороне интересующего нас предмета. Менее заметная, но наиболее объемная часть предмета юридической риторики сосредоточена в процессе подготовки и формирования убеждений, оформления оценочных характеристик фактического содержания дела для последующей убедительной презентации в речи или судебном решении.

Поэтому юридическая риторика это, прежде всего, методология исследования дела, и лишь затем искусство судебной речи и мастерство юридической техники.

Юридическая риторика, тесно взаимосвязанная с отраслями права и филологии, на самом деле является важнейшим из прикладных разделов научной риторики. Она всецело зависит именно от предмета и методологии этой систематической дисциплины. Специфически филологические или специфически правовые подходы к изучению юридической риторики правомерно только в том случае, если они согласуются с обязательно приложимым к предмету убеждения в любой гуманитарной отрасли риторическим методом исследования. Именно этот метод станет основой методологии настоящего исследования.

Таким образом, юридическая риторика как научная дисциплина изучает весь

спектр проблем, связанных с аналитической подготовкой и убедительным представлением оценочных выводов о юридически значимых фактах в процессе их изучения и принятия решений правового характера. Предметом юридической риторики является убеждение в правовой сфере коммуникации. Научная методология этой прикладной дисциплины тесно взаимосвязана с методологией права как отрасли знания, с общей методологией гуманитарных наук, но базируется на риторическом методе исследования, предполагающем взаимозависимость процессов исследования и презентации его результатов на основе убедительности как критерия истины.

Применительно к процессуальной функции адвоката основными этапами практического приложения юридической риторики являются:

1. Изучение материалов дела с целью формирования убедительной позиции защиты к моменту начала судебного следствия.

2. Подбор методологии в общении с подзащитным, потерпевшим, процессуальным противником и судом.

3. Работа в ходе судебного следствия с целью выяснения окончательной позиции защиты, подготовки материала для судебной речи, процессуальной борьбы с обвинением и предварительной подготовки суда к восприятию аргументов в пользу подсудимого как истинных.

4. Защитительная речь, как итоговое процессуальное действие адвоката, представляющее собой результат исследования дела защитником и одновременно представление его позиции в качестве единственно правильной для принятия решения судом.

Поскольку убедительность речи является целью всей процессуальной деятельности защитника в уголовном процессе – она представляет собой важнейший показатель истинности позиции защиты и ее можно рассматривать как важнейший критерий компетентности адвоката.

¹ *Аристотель*. Риторика // Античные риторика. – М., 1978, с. 15, 20.

² Там же, с. 19.

³ Там же, с. 15.

⁴ Там же, с. 44-63.

⁵ Там же, с. 62.

⁶ Там же, с. 76-97, с. 72.

⁷ *Цицерон М.Т.* Об ораторе // Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972, с. 81.

⁸ Там же, с. 87-88.

⁹ Там же, с. 103.

¹⁰ Там же, с. 210; с. 212.

¹¹ “Сократ защищал себя в уголовном суде так, что казался не умоляющим или подсудимым, но наставником или начальником судей. И даже когда самый речистый оратор Лисий принес написанную для Сократа речь, ... тот отказался, поскольку в ней нет “ни смелости, ни мужества”. ...Когда Сократа спросили, какого наказания он заслуживает, он ответил, что заслуживает самых высоких почестей. ...Его ответ привел судей в такое негодование, что этого неповиннейшего человека они присудили к смерти. ...Но и теперь, когда он осужден единственно потому, что не владел красноречием, они (последователи. – Авт.) все-таки утверждают, что учиться красноречию можно только у него» // Там же, с. 121.

¹² *Пешков И.В.* Введение в риторику поступка. – М., 1998, с. 21.

¹³ *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Полное собрание сочинений в 10 т., Т. 7. – М., Л., 1952, с. 23-24.

¹⁴ Там же, с. 24.

¹⁵ *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию // Там же, с. 166-167.

¹⁶ *Кошанский Н.* Общая риторика. – Спб., 1829, с. 2.

- ¹⁷ *Кошанский Н.* Частная риторика. – Спб., 1832, с. 11–12.
- ¹⁸ *Бердяев Н.А.* Философия свободы. – М., 1911.
- ¹⁹ *Безменова Н.А.* Очерки по теории и истории риторики. – М., 1991, с. 16.
- ²⁰ Там же, с. 12.
- ²¹ Там же, с. 10.
- ²² Там же, с. 14.
- ²³ Там же, с. 57.
- ²⁴ *Пешков И.В.* Указ. соч., с. 11–12.
- ²⁵ *Сагач Г.М. Юнина Е.А.* О статусе риторики и отношении ее к стилистике, культуре речи и прагматике // Статус стилистики в современном языкознании. – Пермь, 1990, с. 149.
- ²⁶ *Зарецкая Е.Н.* Риторика: теория и практика речевой коммуникации. – М., 1998, с. 3–4.
- ²⁷ *Губаева Т.В.* Прагматика речевого общения в правовой сфере // Статус стилистики в современном языкознании. – Пермь, 1990, с. 45.

Подано 11.06.08